

Владимир Шагин – патриарх ленинградского андеграунда.

О Владимире Шагине можно писать много, ибо глубоко насыщен смыслом созданный им поэтический мир, но трудно писать коротко так как до странности банальными покажутся характеристики. Во-первый это художник, качество работ которого вполне согласуются с положениями соцреализма: типичность образов, их историческая конкретность, демократичность, отсутствие интереса к индивидуальному. Во вторых, Шагин имеет черты, традиционно приписываемые художнику, но столь редкие сейчас на деле: любовь к жизни и умение видеть красоту в обыденном. И наконец, Шагин в своем искусстве человечен – в ту пору, когда тезис о том, что новое искусство бежит от человеческого, находит множество подтверждений.

На выставках Товарищества экспериментального изобразительного искусства к Шагину относились как одному из самых бесспорных мастеров. Идея делать выставки более «авангардными», появившаяся года три назад у некоторых из организаторов, не прошла и потому, что, следуя ей, нужно было бы пожертвовать работами Шагина. ТЭИИ – не объединение «авангардистов» оно представляет неофициальное искусство, т.е. все, что не вписалось в искусство официальное, а официальное искусство отвергало не только самые новые течения. Выставки ТЭИИ авангардны в том смысле слова, что от художника здесь требуют собственного стиля.

Владимир Шагин оказался «за бортом», почти не выйдя из детского возраста. Его выгнали из СХШ «За формализм» в конце 40-х. Рассказывают, что он вклеил в натюрморт перо индейки. Формой он действительно владел в совершенстве. Но «формалистом» не был ни он, ни его друзья. Долго перечислять, кого из них куда не приняли и кого откуда выгнали в 50-е. Дипломированным художником никто из них не стал.

Примерно в 1946 году его одноклассник Александр Арефьев, которому пришлось не по вкусу понижения натура и гипсы в СХШ, собрал группу подростков и повел их искать более волнующий «объект видинья». Объектом стал потрясенный войной город. «Тяжелая послевоенная жизнь отвлекла внимание взрослых от нашего развития, и поэтому, когда внимание было на нас обращено, мы оказались уже сложившимися людьми, и те глупые террористические меры, которые были приняты против нас, только укрепили нашу правоту в себе», так объяснял Арефьев возникновение первого очага неофициального ленинградского искусства.

В этом круге сформировался свой образ жизни и свое понимание изобразительной деятельности. В ситуации социальной униженности, круговой обороны, когда им непрерывно доказывали ненужность их искусства, когда отвергавший их мир казался незыблемым, как египетские царства, живопись не могла быть ни производством товара, ни надеждой на – пусть отсроченное – признание. Искусство было единственным возможным способом поиска истины. Единственно реальным способом сохранения духовного существования.

Все они сформировались в условиях изоляции, и когда в 60-х годах стала складываться среда неофициального искусства, Арефьев, человек неумеренного темперамента, был единственный, кто шел на контакт. Однако само существование этих людей в предыдущем десятилетии, их образ жизни, героическое и чистое отношение к искусству давало нравственный импульс движению. Сам Арефьев, вероятно, одна из самых ярких фигур ленинградского неофициального искусства, был множество раз арестован, дважды отбывал срок, неоднократно ошельмовал в печати, эмигрировал в 1977 году и умер в Париже в 1978-ом. Товарищи Арефьева и Шагина, Рихард Васми и Шолом

Шварц, фигуры уже легендарные, затеряны в дебрях коммунальных квартир и свою установку: «наше искусство нужно лишь нам самим» сохраняют до сих пор. Стал бы сейчас выставляться Владимир Шагин – неизвестно, но у него вырос сын Дмитрий, который исправно приносит его картины на выставки. «Митьком» называли сына в детстве и митьками стали звать молодых художников, товарищей сына. «Митьки» назвал свой очерк Владимир Шинкарев, обрисовав в нем черты Дмитрия Шагина, послужившие кристаллизацией жизненного стиля группы. Дмитрий Шагин вырос в кругу Арефьева, и многое в стиле митьков имеет прототипом этот круг – круг интеллигентных людей живущих как гопники. Порою как бичи. Опрошенность жизни, уверенность, что хорошему и порядочному человеку обязательно должно быть плохо – отразились в митьковском мифе.

Включение самого образа жизни в процесс творчества объединяет митьков и «новых художников». Но у сегодняшних молодых силен момент эстетической игры и саморекламы как искусства жить, тогда как в 50-е годы это было способом сохранения себя.

В раннем творчестве некоторых «новых» можно различить множество черт, сближающих их с В. Шагиным, Р. Васми, Ш. Шварцем. В особенности с Шагиным - художником им более известным, более спонтанным и экспрессивным. Круг поклонников живописи Шагина, митьков и «новых» - общий.

Обе группы молодых художников, совершенно не признавая «сюр», не вынося все виды зализанной, мертвой поверхности холста и все виды холодного авангарда, любят ЖИВОПИСЬ и за последнее время решительно обратили к ней Ленинград. Если недавно Шагин мог рассматриваться как экспонирующийся на «авангардной» выставке только в силу своей биографии, то сегодня, когда консерваторы митьки, которые «никого не хотят победить» решительно утвердились на авангардных площадках, а нашествие на город «новых» за последние два года до смешного повлияло на творчество «старых», живописная система Шагина, которому не нужно расковыряться, чтобы соответствовать моменту, воспринимается иначе.

Для митьков Шагин нередко учитель. Однако многими своими чертами он ближе к «новым», чем к более уравновешенным митькам - с его витальностью, психоделическим сознанием, напряженностью и «убойной» силой холста. Больной, измученным трагической жизнью человек и виртуозный мастер сохранил в себе непосредственное видение ребенка – а это как раз то, что входит в эстетический идеал сегодняшнего поколения.